

Научная статья
УДК 94(470)“1917”
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-193-202-220

Революция 1917 года и Гражданская война на Тамбовщине: состояние и перспективы изучения Часть I. О проблемах концептуализации, методологии и методики изучения истории Гражданской войны в Тамбовской губернии

Владимир Львович ДЬЯЧКОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
mayormp@mail.ru

Аннотация. В первой части данного исследования рассмотрены эволюция и современное состояние концептуализации и историографии «антоновщины», названы факторы новейшего методологического и познавательного кризиса в изучении Гражданской войны в России в целом и отдельных ее ключевых, знаковых явлений. Во второй части статьи, исходя из принципа историзма, нами предложена собственная концептуализация Гражданской войны и тамбовских крестьянских восстаний как ее «зеленых» составляющих, исходящая из понимания социальной истории как движения социоестественной иерархической системы, регулировавшей жизнь популяций любых уровней. Гражданская война представлена как ритмическая часть фазы подавления перенаселенной популяции комплексом эндогенных и экзогенных факторов длительных (28-летний, 112-летний) природно-демографических циклов. Даны определения специфических явлений («женские атаки», «демографический мешок», «казус Котовска» и т. п.), вскрытых с помощью электронных баз данных (ЭБД) в длительных непрерывных линиях социографической информации. Предложена методика маркировки циклического движения разных форм и каналов социальной агрессии (активности). Механизм и проявления работы регулирующих социоприродных циклов показаны в таблицах и рисунках.

Ключевые слова: историзм, концептуализация, социоестественная иерархия, природно-демографические циклы, социальная агрессия, крестьянский антигосударственный протест, ЭБД

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ по проекту № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.».

Для цитирования: Дьячков В.Л. Революция 1917 года и Гражданская война на Тамбовщине: состояние и перспективы изучения. Часть I. О проблемах концептуализации, методологии и методики изучения истории Гражданской войны в Тамбовской губернии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 193. С. 202-220. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-193-202-220>

Original article

DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-193-202-220

The Revolution of 1917 and the Civil War in the Tambov region: state and research prospects. Part 1. On the problems of conceptualization, methodology and methods of studying the history of the Civil War in the Tambov Governorate

Vladimir L. DYACHKOV

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

mayormp@mail.ru

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](#)
Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](#)
© Дьячков В.Л., 2021

Abstract. The first part of this study examines the evolution and the current state of conceptualization and historiography of the “Antonovschina”, identifies the factors of the newest methodological and cognitive crisis in the study of the Civil War in Russia as a whole and its individual key, significant phenomena. In the second part of the study, proceeding from the principle of historicism, we propose our own conceptualization of the Civil War and the Tambov peasant uprisings as its “green” components, proceeding from the understanding of social history as a movement of a socio-natural hierarchical system that regulated the life of populations of any level. Civil War is presented as a rhythmic part of the phase of suppression of an overpopulated population by a complex of endogenous and exogenous factors of long (28-year, 112-year) natural-demographic cycles. The definitions of specific phenomena (“female attacks”, “demographic bag”, “Kotovsk case”, etc.), opened with the help of electronic databases (ED) in long continuous lines of sociographic information, are given. A method of marking the cyclic movement of different forms and channels of social aggression (activity) is proposed. The mechanism and manifestations of the work of the regulating socio-natural cycles are shown in tables and figures.

Keywords: historicism, conceptualization, socio-natural hierarchy, natural-demographic cycles, social aggression, peasant anti-state protest, electronic database

Acknowledgements: The research is fulfilled under financial support of Russian Science Foundation grant on the project no. 18-18-00187 “Strategy of Demographical Behavior of Peasantry in the South of Central Russia in the 20th – Early 21st Centuries”.

For citation: Dyachkov V.L. Revolyutsiya 1917 goda i Grazhdanskaya voyna na Tambovshchine: sostoyaniye i perspektivy izucheniya. Chast' I. O problemakh kontseptualizatsii, metodologii i metodiki izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny v Tambovskoy gubernii [The Revolution of 1917 and the Civil War in the Tambov region: state and research prospects. Part 1. On the problems of conceptualization, methodology and methods of studying the history of the Civil War in the Tambov Governorate]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 193, pp. 202-220. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-193-202-220> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Памяти Стивена Козна

Отечественная и зарубежная библиография событий 1917–1922 гг. в Тамбовской гу-

бернии, из которых теперь главное и будоражащее – «антоновщина», насчитывает на сегодня около 2 тыс. публикаций. Как в случае с любыми историческими сюжетами по-

вышенной исследовательской и обывательской привлекательности, данное множество работ – от коротенькой газетной заметки до увесистого тома – подготовлено авторами самого разного политического толка и образованности – от правоверных большевиков до ярых антикоммунистов и русофобов и от дипломированных специалистов-историков до провинциальных неучей и (что еще хуже) агрессивных недоучек. Еще одна особенность данного многоструйного печатного потока, с пеной и пузырями обтекающего «антоновскую» тему – чрезвычайное преобладание авторских поверхностных и конъюнктурных интерпретаций и оценок над профессиональными исследованиями и научными публикациями сборников документов-источников. Таковых последних меньше, чем пальцев на одной руке: 3 специальных издания документов по «антоновщине», 1 – по крестьянскому движению на Тамбовщине в 1917–1918 гг., да небольшой раздел из «картинок» в иллюстрированной истории нашей области¹. Крохотные документальные фрагменты в неплохой, но устаревшей школьной хрестоматии² и редкие разрозненные публикации мемуаров отдельных свидетелей и участников событий в расчет не берем.

Сочетание подобного структурного перекоса внутри объема печатных трудов по истории нашего края на формирующем отрезке «большой войны» (от Первой мировой войны до нэпа) с отмеченным разнообразием морально-политического и исследовательского качества авторов, толпящихся и толкающих друг друга на данной «делянке», неизбежно обеспечивает весьма печальный

итог. Подавляющее большинство публикаций по «антоновщине», «по-хорошему», не может, не должно быть допущено к читательскому «потреблению» по причинам общей и специальной малограмотности их авторов, сцепленной с недопустимой в науке предвзятостью, когда суждение навязывается *apriori*. Но запретить читать, смотреть и слушать недостойное, более того, разлагающее и развращающее потребителя, мы, увы, не можем. Из-за нынешней нехватки образовательных и просветительских «стройматериалов» и «стройплощадок» мы также не можем последовать рецепту графа С.С. Уварова и воздвигнуть «умственные плотины» на пути потока околонульного и нравственного мусора. Что делать?

В «старые добрые времена», когда советское образование как государственный и социальный заказ, как часть общей культуры проходило свой абсолютный исторический пик, оно – это самое образование – развивая системные знания, формируя мышление и культурный вкус, как раз и служило наилучшей «внутренней цензурой», не допуская негодный продукт – от рассказа и научного опуса до песни и кино – к усвоению. Ныне мы от данной «опции» избавлены, мы лишены прежних времени и места донесения до обучаемой массовой аудитории общероссийских и региональных обстоятельств сложнейшей эпохи революции 1917 г. и Гражданской войны – от элементарной фактической «матчасти» до концептуализации процесса. Ныне перед историками и просветителями – от рождения способные, умные люди юных, молодых и средних возрастов, неизбежно интересующиеся собственным прошлым на его принципиальных переломах, но уже не имеющие даже минимальной учебной базы для постижения сути эпохи.

И еще об одном методологическом пороке, общем в профессиональной (!) среде изучения формирующих этапов истории. Подавляющее большинство даже вполне знающих историков, высказывающихся по проблемам той же российской революции 1917 г. и Гражданской войны, используют в своих

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы. Тамбов, 1994; Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1917–1918 гг. Документы и материалы. М., 2003; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007; Гражданская война в Тамбовской губернии в воспоминаниях ее свидетелей и участников: сб. документов и материалов. Тамбов, 2020; Иллюстрированная история Тамбовской области. Тамбов, 2008.

² «И пыль веков от хартий отряхнув...». Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993.

размышлениях о механизме прошлого и прежде недостаточный, а ныне прямо неприемлемый методологический «конструкт». Факторы ключевых событий, соединяющихся в исторический процесс, понимаются ими как «плоский» набор-сумма равновеликих аргументов вроде настольных комбинаций из спичек или (в лучшем случае) карточного пасьянса с объемом колоды и достоинством карт, прямо зависящих от вкуса и степени кругозора ее обладателя. Один считает козырными королями или тузами истории ее каких-то конкретных деятелей, другой – политические партии, третий – идеи, «овладевающие массами», четвертый – экономические обстоятельства, пятый – внешние воздействия и т. д. Для углубленного и объективного изучения важных отдельных сторон прошлого такая «комбинаторность» с переносом центров тяжести исследовательского внимания, несомненно, полезна, необходима и неизбежна. Но для концептуализации, а значит, постижения исторического процесса она малоэффективна, а порой (как в нашем случае) вредна. Единственным путем выхода из тупиков объяснения формирующих этапов истории полагаем осмысление прошлого в парадигме **четырёхмерной синергической иерархии** факторов. Такой историчный подход призван принципиально поменять соотношение долей внутри корпуса историографии новейшей отечественной истории в пользу а) профессиональных публикаций источников и б) исследований, построенных на длинных непрерывных рядах комплексной исторической информации, при соответственном сокращении доли субъективных оценок-мнений по истории, разобранной в индивидуальном сознании на разрозненные плоские фрагменты.

Как обстояло дело с концептуализацией «антоновщины» 25–30 лет назад, в начале направленного разрушения отечественного (советского) гуманитарного образования?

Заметим, что под взаимным давлением «официального» и «оппозиционного» подходов к ключевым историческим процессам и явлениям в общественном сознании формируются парадигмы-матрицы их понимания и

оценки. Эти парадигмы-матрицы, сколь различны или сходны они бы ни были, никогда полностью (и даже вовсе) не совпадают с реальной историей, представляя собой в лучшем случае мутное или кривое зеркало, в худшем – чистый вымысел.

«Антоновщина» – как явление действительно значительное и всячески привлекательное своими предельными страстями и большой кровью – получила две парадигмы объяснения, сплетающиеся и борющиеся друг с другом все эти сто лет после нее.

Первая закрепились в советском государственном подходе и общественном сознании той части народа, которая по своему жизненному опыту или по образованию и воспитанию «антоновскому» делу не сочувствовала.

Схематично эта парадигма выглядит так: закономерные и справедливые пролетарская революция и советская власть вызвали яростное сопротивление ее внутренних и внешних классовых врагов, которые развязали массовую гражданскую войну и интервенцию:

- защищаясь, мобилизуя силы на отпор врагам, пролетарское государство и трудящиеся вынужденно пошли на ряд мер (армейские и трудовые мобилизации, политика и практика реквизиций и продразверстки, «красный террор»), встретивших сначала пассивное, а затем активное вооруженное сопротивление со стороны двойственного по своей природе крестьянства (труженик и мелкий собственник в одном лице);

- советское государство, опираясь на большинство трудящихся города и деревни, подавило крестьянский протест, содержащий немалую долю бандитизма;

- по достижении побед на главных фронтах гражданской войны и в условиях острейшего социально-экономического кризиса большевистская власть перешла от разрушительного и раздражающего «военного коммунизма» к конструктивной новой экономической политике, исключившей возможность нового массового антигосударственного крестьянского протеста.

«Оппозиционная» парадигма объяснения «антоновщины» оформилась в эмигрантских

кругах, захватила антисоветскую часть западной историографии и, начиная с «перестройки», расплзлась по «критически мыслящей», антисоветской и недоученной части российского общества.

Она выглядит так: до 1917 г. в России не было основы для значительных социальных конфликтов:

- на фоне военных неудач и развития негативных явлений в экономике, вызванных Первой мировой войной, в Россию «за немецкие деньги» весной 1917 г. внедряется небольшая группа радикальных революционеров-большевиков;

- используя и развивая своими действиями социально-политический кризис, большевики, опираясь на организационные преимущества РСДРП(б), захватывают власть в столице, распространяя ее по ключевым центрам страны;

- реализуя свою программу и в целях удержания власти, ленинцы начинают и развивают гражданскую войну для уничтожения всех своих классовых противников;

- крестьянство большевики считают мелкой буржуазией, подлежащей потому уничтожению;

- абсолютно справедливый антибольшевистский крестьянский протест топится в крови самыми бесчеловечными способами и с использованием инородцев-наемников;

- «антоновцы» выступают носителями лучших качеств борцов за свободу;

- испугавшись крестьянского протеста, большевики временно уступают, введя нэп взамен «военного коммунизма».

Скажем сразу, ни первая, ни вторая парадигма подхода к «антоновщине» как части нашей Гражданской войны не вскрывают и не объясняют исчерпывающе и непротиворечиво истоки, ход и исход формирующего этапа «большой войны». Все было гораздо сложнее, и понимание этого космоса требует больших знаний и глубоких исследований.

Но...

Продолжающееся падение знания фактической истории, географии, литературы и прочих полезных предметов в когортах, вос-

ходящих в науку и в «любительство» ярких страниц прошлого, сужает их кругозор до не всегда нужных деталей изучаемого малого плоского фрагмента гигантской четырехмерной картины, не позволяя увидеть общее в особенном, сравнить типологию явлений, определить место и связи изучаемого в синергическом потоке времени. Короче, «недообразованный» и непросвещенный искатель не может сдвинуться с позиции, с которой, по любимой нелюбимого ныне В.И. Ленина поговорке, «за деревьями леса не видно», а имманентное молодым отсутствие жизненной ретроспективы не позволяет трезво и справедливо оценить свои и чужие исследовательские места и уровни.

Второй частью хватки, обескровливающей отечественную историческую науку, явился тяжелый методологический кризис, который за последние 30–35 лет раскрутился в обнимку с разрушением средней и высшей школы. Полагаем, что к 70-летиям Октября и ключевых событий Гражданской войны «организованные» советские историки вышли на исследовательский пик в прежде обязательной марксистской парадигме, где классовая борьба была базовым фактором исторического процесса. Методологическая недостаточность истмата, создававшая мелкие и крупные нестыковки и тупики объяснения тех же военно-революционных лет, осознавалась уже с 1970-х гг. Плодотворными и обещавшими направлениями выхода из обозначившихся тупиков объяснения стало дружное изучение «непролетарских» политических партий, городских средних слоев, «аграрной (крестьянской) революции», географического, национального, этноконфессионального, гендерного факторов и т. п. Дело, очевидно, шло на лад – ведь марксизм, помимо истмата, включает и диамат с его обязательным и универсальным для исследователя принципом историзма. Но соединение с конца 1980-х гг. разрушительных объективных обстоятельств и субъективных усилий обвалило нашу, выстраивавшуюся было, методологическую «лестницу в небо». Немногим из профессиональных историков удалось закре-

питься на «продвинутых» уровнях понимания и объяснения прошлого, но большинство из рушившегося цеха не удержалось даже на ступеньке истмата и деволуционировало, то бишь, деградировало к методологическому примитиву, к *описанию* неподвижного фрагмента вместо *объяснения* подвижной системы, ко всякой «мелочевке», вырванной сплошь и рядом из исторического контекста вроде истории быта, повседневности, традиций отдельных социальных групп, некрупных биографий и мелких событий и т. п. Хуже того, из вроде бы профессиональных исследований стал исчезать человек, уступая место истории отдельных помещичьих имений, заводов, церквей и других зданий, дорог, водопровода, канализации и т. п. В кандидатских и докторских диссертациях по истории обычным стало всяческое «мелкотемье» с нарезанием единого процесса на мелкие географические и хронологические куски при необязательном знании соседних мест и периодов. На научной (!) «исторической» площадке нашей темы появились и активизировались «знатоки и советчики» из математиков, физиков, агрономов, юристов, экономистов, медиков и тому подобных лиц с «низкой исторической ответственностью». Наконец, и вполне закономерно в наш «дом ученых» пришла новейшая беда – своеобразный исторический «постмодерн», когда реальная история от частных к общему заменяется вымыслом интерпретатора, заставляя таких, как мы, с гнетущей тоской осознавать, “that we are now not only living in a post-factual world, but in a post-logic world”³. В «антоновской» теме типичными и, увы, привычными проявлениями этого мира пост-факта и пост-логики, мира неведения о принципе историзма оказываются подходы, представления и рассуждения ученых (!) о «единстве» и неизменяемости крестьянства и о такой же застывшей одинаковости его большевистских «супостатов», о «единой» территории восстания, о высоком качестве организации повстанческих военных и гражд-

данских структур, об эсеровской партийности вождей, активистов и рядовых участников мятежа, об облике и роли «антоновской» верхушки, о связях с мамонтовцами и махновцами, о походе отряда антоновцев в Польшу в ноябре 1921 г., о месте и роли церкви в тогдашней жизни, о конкретной политике большевистского государства, о высокой крестьянской морали и о низкой морали «красных» и т. д. Конечно, дилетанты и члены «секты свидетелей Антонова», облепившие вкусно пахнущую тему, придумывают и похлеще, но с них и «взятки гладки». В числе безответных «эвристических» историко-логических вопросов по «антоновской» теме, адресованных нами профессионалам и любителям, по-прежнему остаются:

1) Почему одни и те же тамбовские крестьяне четырежды на 15-летнем отрезке (в 1905–1906, в сентябре 1917 г., осенью 1918 г., летом 1920 г.) взрываются в массовых кровавых протестах при трех разных государствах как системах власти, собственности и идеологии?

2) Почему (и это показано, в частности, Д.П. Ивановым) зоны «антоновщины» принципиально не совпадают с зонами ее «записных» причин – продовольственных, трудовых и армейских изъятий большевистской власти? Более того, почему самыми агрессивными точками на карте стали СНП, вовсе не знавшие ни продразверстки, ни мобилизаций в РККА, ни толком и самой новой власти?

3) Почему среди не только «вожаков», но и просто активистов тогдашнего *крестьянского* протеста практически нет крестьян не по социально-сословному происхождению (род занятий их родителей), а по их собственному роду занятий хотя бы на 1917 г.?

4) Какой была конструктивная (положительная) программа («мечта и идея» по гайдаровскому Бумбарашу) наших бунтарей (повстанцев, мятежников, бандитов и тому подобных по нравственно-политическому вкусу)? Могла ли она быть допущена к реализации каким бы то ни было государством? Почему эсеры и прочие политически организованные «защитники» крестьян «открестились» от «антоновщины» и других антиболь-

³ Gilbert Doctorow. Stephen F. Cohen, in Memoriam // Consortium News. 2020. September 21.

шевистских протестов той же типологии? Наконец, в чем суть, трагедия и драма российского аграрного (не путать с крестьянским!) вопроса как «гвоздя русской революции»?

Заметим с тоской и грустью, что еще 30–35 лет назад ответы на эти и другие вопросы понимания отечественного исторического процесса были на массовом уровне обеспечены тогдашним высшим историческим образованием, всеобщим преподаванием истории КПСС, а некоторые раскрывались и на уроках в старших классах средней школы. Странно, что прежде элементарное требование к заинтересованным в постижении той же «антоновщины» сегодня часто воспринимают как высоколобо-издевательское...

Еще одним вкладом в нынешний общий отрицательный баланс качества профессиональных работ по нашей теме является то, что огромное большинство высказывающихся по «антоновщине» не изучают специально не только ее, но и крестьянский антигосударственный протест в других местах и в целом, равно как и историю революции 1917 г. и Гражданской войны. А ведь формирующие этапы истории не терпят маргинального внимания, скошенного взгляда, мнения «по случаю».

На сегодняшнем промежуточном исследовательском этапе сплав доминант деградирующего образования и знания конкретной истории, обрушения концептуализации прошлого, обостряющегося кадрового дефицита и вытеснения макро-истории российских революций на историографическую обочину реализовал себя в примитивной методологии большинства современных изысканий по «антоновской» тематике, варьирующей в своей предельно поверхностной и политизированной сути от «теории запломбированного вагона» до предвзятого мнения о том, как хорошо было в России до 1917 г., но «пришли проклятые большевики и все испортили» (см., например, новейшие проекты Н. Сванидзе и Т. Шевкунова на главном российском телеканале).

Что делать тем, живым еще, историкам-профессионалам, чтобы наставить пытлившую

часть юношества на верный путь знания и понимания нашего военно-революционного прошлого?

История – живая. Верхушка ее растущей спирали с каждым мгновением настоящего ввинчивается в грядущее, и предшествующие витки уходят все глубже в темнеющие воды времени. Задача исследователя – нырнуть к нужному витку, невидимым и неосознаваемым встать рядом с участниками, свидетелями, героями и жертвами событий и – слушать, смотреть, чувствовать...

Комплект средств для такого погружения состоит из двух частей: 1) поиск, сбор, профессиональная обработка и публикация всех видов документальных свидетельств изучаемой эпохи и 2) действительно научные исследования составляющих, развития и наследия сложнейшего общероссийского военно-революционного синергизма, сегментом и эпизодом которого была наша «антоновщина». В дальнейшем тексте и картинках показаны условия, возможности и значимые результаты нашей работы по сугубо научной линии постижения формирующего прошлого. Простите, если это покажется слишком непривычным и сложным.

Итак, чем вооружиться в приступе к пониманию взрыва социальной агрессии в России (и не только) в первые десятилетия XX века?

Методология и концепция анализа.

Единственным **методом** является принцип историзма, требующий брать изучаемое в развитии, в совокупности всех его сторон (как синергизм, систему) и таким, каким оно было в исторической действительности.

Потому на длительных непрерывных рядах комплексной демографической, природоведческой, социографической и социально-исторической информации выявлено, что основой движения **традиционных и переходных** популяций оказываются длительные социоестественные циклы (вскрыты 28-летних (в последних двух веках волны 1801–1828, 1829–1856, 1857–1884, 1885–1912, 1913–1940, 1941–1968, 1969–1996 гг.) и 112-летний (последние два – 1723–1834,

1835–1946/47 гг.), сейчас живем в начале 42-летней **военно-революционной фазы (ВРФ)** цикла 1947–2059 гг.

5/8 (17–18 лет 28-летней волны, 70 лет 112-летней волны) уходят на набор давления в популяции (движение к перенаселению). 3/8 ритма-цикла (10–11 лет 28-летней волны, 42 года 112-летней волны; **ВРФ**, так как эти годы кратно более, чем этап набора давления, насыщены внутренними и внешними войнами, революциями и тому подобными орудиями сброса давления в популяции) посвящены сбросу давления в перенаселенной популяции силой **синергизма эндогенных** (снижение естественной плодovitости **здоровых** людей) и **экзогенных** (война, репрессии, голод, болезни, распад семей, дисбаланс полов, сокращение плодovитого периода и т. п.) средств. Последняя завершившаяся «большая» ВРФ 112-летнего цикла пришлось на 1904–1905 – 1946–1947 гг.

Наряду с названными фазами в каждом 28-летнем цикле распределены повторяющиеся 14 «смертных» (неурожайных, неплодovитых, голодных, эпидемических, военных) лет с той же функцией контроля роста традиционной и переходной популяции.

Важным фактором жизни сельских и городских популяций были «женские атаки»⁴.

⁴ «Женские атаки» – один из ключевых регуляторов традиционной популяции мирного времени, обеспечивавший до поры оптимальный половозрастной баланс. 1-е семилетие 28-летнего цикла оставляло примерно каждую 7-ю невесту «лишней», 2-е семилетие возвращало большинство женихам, 3-е семилетие в случае сложения с восходящей фазой 112-летнего ритма делало «лишними» до 26 % (!) будущих невест, в 4-е семилетие запусклся сброс избыточного давления в популяции с соответствующим снижением доли и естественной плодovitости девочек – детей этой фазы. Сильнейшая «женская атака» пришлось на 3-е 7-летие 28-летнего цикла 1857–1884 гг., то есть на 1871–1877 гг., что в 1890-е гг. обеспечило в России более 4 млн молодых плодovитых женщин, не имевших мужской пары среди ровесников – ведь под давлением обострявшегося перенаселения и комплекса аграрного вопроса разница в возрасте в пользу жениха в селе (и по индукции стресса и переноса мигрантами традиции – в большинстве города) практически исчезла. Данная проблема «лишних невест», стимулируя сама по себе эскалацию агрессии, в тогдашних российских условиях, помимо гендерных перекосов в эмиграции из села, толкала

В длительных природно-демографических ритмах работает парадигма: «перенаселение – индуцирующий массовый и индивидуальный стресс – индуцирующая массовая и индивидуальная агрессия – реализация (канализация) данной социальной агрессии различными путями (миграции, вертикальная социальная мобильность, политическая активность и карьера, криминальная активность, внутренняя и внешняя война)».

Базовым условием жизни сельских популяций были движущиеся комплексные характеристики природной и социальной окружающей среды, «места на глобусе» (инсоляция, почва, вода, воздух, климат и погода, флора и фауна, история возникновения, социально-сословная, национальная, культурная среда, внешнее воздействие миров государства и города и т. д.).

Источники и методика поиска. Принцип историзма и заявленная проблема требуют создания и использования баз данных (БД), в которых **связанная** информация о движении популяций любого уровня (отдельный НП – субрегион – регион – макрорегион – страна) представлена на **непрерывных длинных линиях**, включающих изучаемый отрезок. К таковым БД относятся:

а) непрерывные длинные (от 100 до 250 лет) линии полной жизненной «метрической» и «загсовской» статистики по отдельным НП (архивные данные по 60-ти СНП, 5-ти городским приходам);

б) материалы Всероссийских и Всесоюзных переписей населения; материалы ревизского, земского и епархиального учетов населения;

в) «авторские» ЭБД новых массовых источников (опросы женщин (10 тыс. персоналий), студенческие генеалогии (более 100 тыс. персоналий));

сельские популяции на парадоксальные антимодернистские действия, дополнительно ухудшавшие ситуацию: предельное снижение возраста 1-го замужества с соответствующим скачком рождаемости, обострением малоземелья и ухудшением потребления, движение «за женихами» в сторону родственников по крови, нагнетание давления в «демографических мешках», взлет миграционной активности детей 1890–1900-х гг.

г) общедоступные общесоюзные ЭБД советских потерь и активного участия советских граждан во Второй мировой войне (более 30 млн персоналий; <https://www.obd-memorial.ru/>; podvignaroda.ru/; [http://old.v-ipc.ru/](https://old.v-ipc.ru/));

д) ЭБД жертв политических репрессий в СССР (3,5 млн человек; [http://lists.memo.ru/](https://lists.memo.ru/)) с особой «тамбовской частью» на платформе Excel (8000 персоналий) и «авторская» ЭБД «Крестьянский мемориал» (3500 тамбовских крестьян, репрессированных в период коллективизации);

е) группа «авторских» и общедоступных ЭБД социальных активистов периода: ЭБД «Вожаки» и «Зеленые» (вожаки и активные участники крестьянских протестов 1880-х – 1921 гг.; 3523 человека); ЭБД по Героям Советского Союза (ГСС; 12,5 тыс. человек)) и по полным кавалерам ордена Славы (ПКС; 2671 человек); ЭБД по общероссийской и региональной социальной и политической элите 1860–1940-х гг. (более

10 тыс. человек); БД участников белого движения (более 500 тыс. человек; <http://погибшие.pf/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/>) и «красных активистов» – краснознаменцев (более 14 тыс. награжденных орденом Красного Знамени в 1918–1925 гг.; <http://kdkv.narod.ru/WW1/index.html>) и репрессированных командиров РККА (3 тыс. офицеров, бывших на момент репрессии в звании выше майора; <http://www.rkka.ru/handbook/personal/repress/main.htm>);

ж) сформированные В.Л. Дьячковым ЭБД по российским социально-антропони-мическим процессам XVII – начала XXI века, линии лет рождения выдающихся деятелей мировой и российской истории последних двух тысячелетий, а также хронологии войн и революций в российской и всемирной истории;

з) БД движения характеристик окружающей среды;

и) коллекции фотодокументов.

Рис. 1. «Плоская» модель социоестественного синергизма общероссийского военно-революционного взрыва начала XX века – тамбовский сегмент [1]

Fig. 1. “Flat” model of socio-natural synergy of the all-Russian military-revolutionary explosion of the early 20th century – Tambov segment [1]

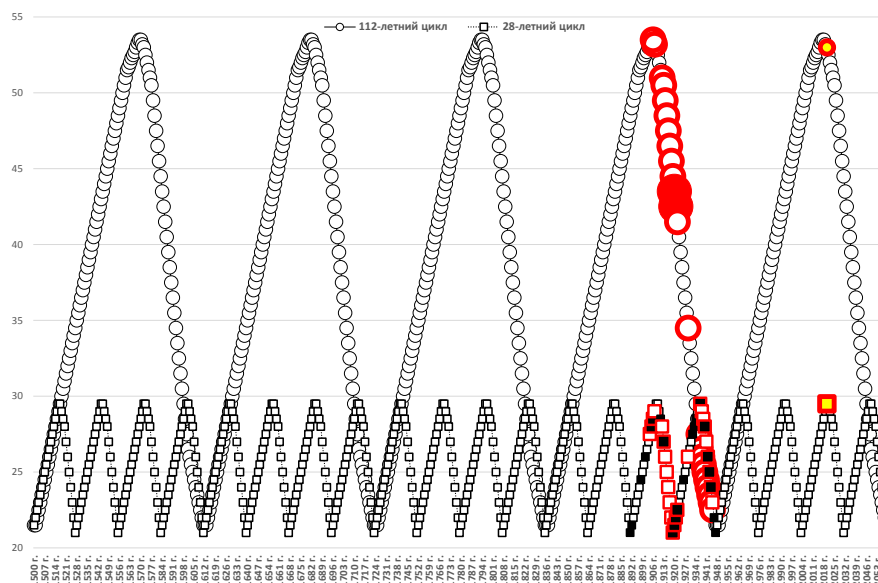

Рис. 2. Модель движения фаз набора и сброса давления в человеческих популяциях в рамках 28-летнего и 112-летнего природно-демографических циклов; отрезок 1500–2059 гг. Крупными красно-белыми маркерами помечены годы больших войн России-СССР в последней завершившейся ВРФ 1904/05 – 1946/47 гг. Черные квадратные маркеры – циклические неурожайные голодно эпидемические годы на отрезке 1891–1947 гг. 2020 г. помечен крупным красно-желтым маркером в текущей ВРФ 2016/17 – 2058/59 гг.

Fig. 2. Model of the movement of phases of recruitment and release of pressure in human populations within the 28-year and 112-year natural-demographic cycles; segment 1500–2059. Large red and white markers mark the years of the great wars of Russia-USSR in the last completed military revolutionary phase 1904/05 – 1946/47. Black square markers – cyclic lean and epidemic years in the period 1891–1947. 2020 is marked with a large red-yellow marker in the current military revolutionary phase 2016/17 – 2058/59.

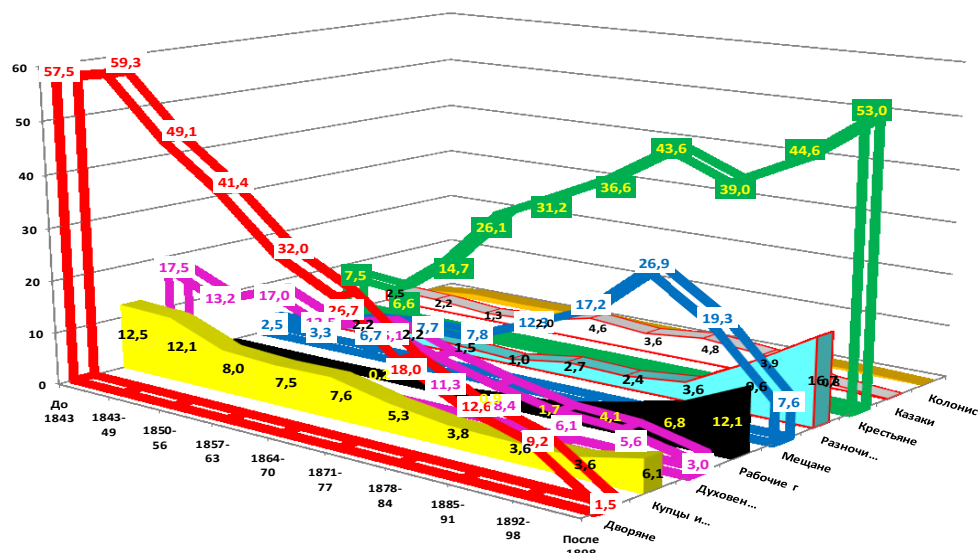

Рис. 3а. Движение социально-сословного происхождения мужчин революционной элиты конца XIX – первой четверти XX в. по 7-летиям их рождения – демонстрация замещения в когортах российских политических активистов выходцев из городской социально-сословной верхушки (дворяне, купцы, почетные и именитые граждане, священнослужители) на выходцев из крестьян и городских низов крестьянского происхождения (крестьяне, мещане, разночинцы, рабочие) [2]

Fig. 3a. The movement of the social-class origin of the men of the revolutionary elite at the end of the 19th – first quarter of the 20th century on the 7th anniversary of their birth – a demonstration of the replacement in the cohorts of Russian political activists of immigrants from the urban social-estate elite (noblemen, merchants, honorary and eminent citizens, clergymen) by immigrants from peasants and urban lower strata of peasant origin (peasants, burghers, commoners, workers) [2]

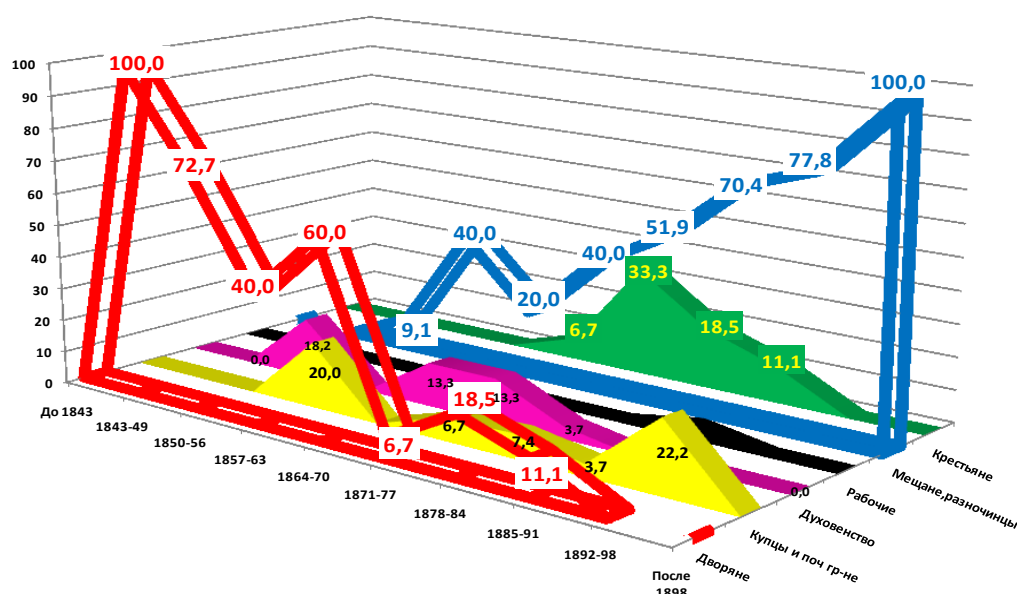

Рис. 36. Движение социально-сословного происхождения женщин партийно-политической элиты по 7-летиям их рождения – демонстрация (помимо общего с мужчинами замещения социально-сословного происхождения политических активистов) выброса в социально-политический активизм когорты сильнейшей «женской атаки» 1871–1877 гг. [2]

Fig. 36. The movement of the social-class origin of women of the party-political elite on the 7th anniversary of their birth is a demonstration (in addition to the general replacement of the social-class origin of political activists with men) that a cohort of the strongest “female attack” of 1871–1877 was thrown into social and political activism [2]

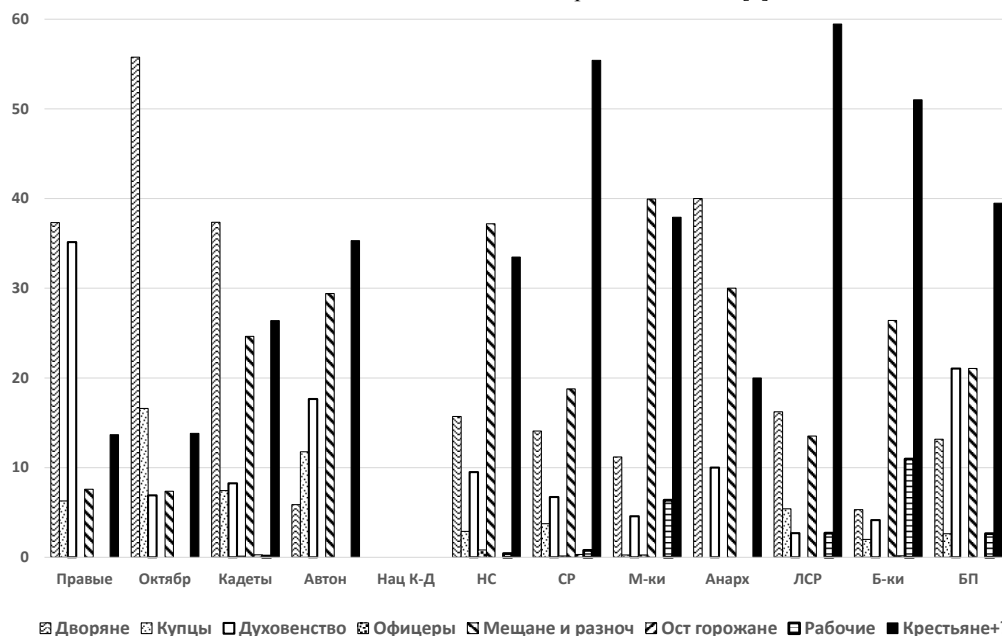

Рис. 4. Социально-сословное происхождение русских политических активистов 1917 г. – демонстрация положительной связи степени идейно-политического радикализма политической партии и доли в ее наиболее активном слое лиц крестьянского происхождения [2; 3]

Fig. 4. The social-estate origin of Russian political activists in 1917 is a demonstration of a positive connection between the degree of ideological and political radicalism of a political party and the share of people of peasant origin in its most active stratum [2; 3]

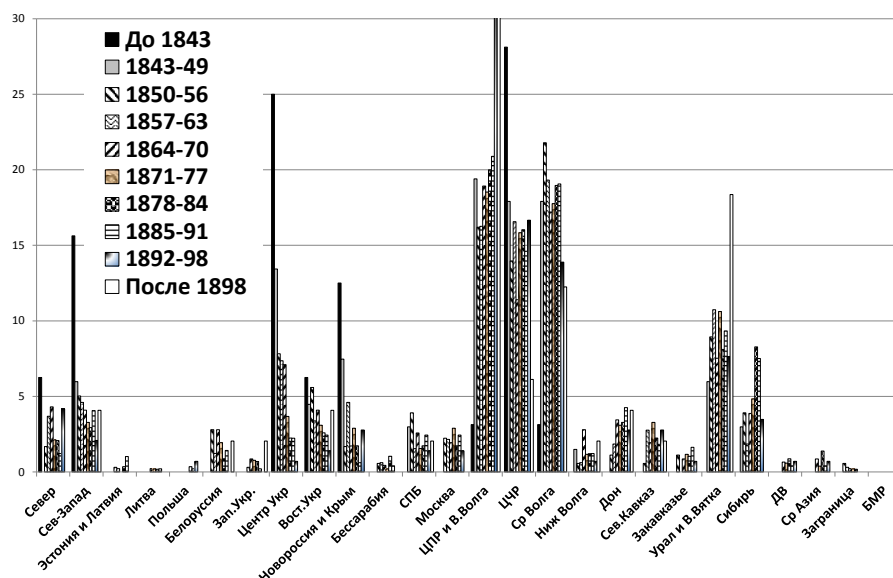

Рис. 5. Движение долей макро-регионов рождения политических активистов 1917 г. в десяти 7-летиях их рождения (1836–1905 гг.) – демонстрация связи синергизма аграрного перенаселения региона рождения и остроты в нем аграрного и рабочего вопросов с представительством его выходцев в когортах активистов российских революций. Обратите внимание на «казус столиц» (явление парадоксального снижения большинства индексов социальной агрессии в детях иммигрантов в Санкт-Петербурге и Москве и в «коренном» столичном населении), проявившийся в данном случае с локализацией рождения революционных активистов [2]

Fig. 5. The movement of the shares of macro-regions of birth of political activists in 1917 in the ten 7th anniversary of their birth (1836–1905) is a demonstration of the connection between the synergy of the agrarian overpopulation of the region of birth and the acuteness of agrarian and labor issues in it with the representation of its natives in the cohorts of activists of Russian revolutions. Pay attention to the “case of capitals”, which manifested itself in this case with the localization of the birth of revolutionary activists [2]

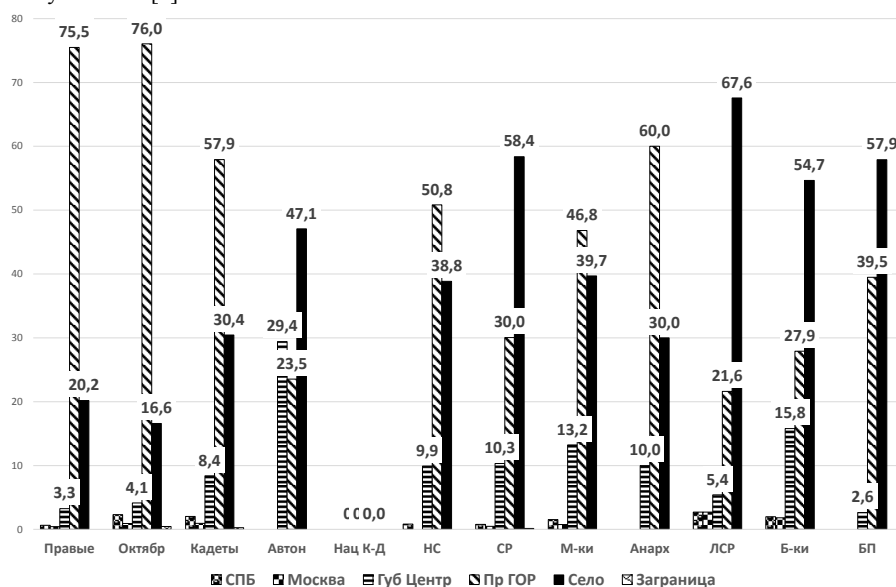

Рис. 6. Агрегированные доли зон рождения (столицы, губернские центры, остальные города, село, заграница) русских политических активистов 1917 г. – демонстрация положительной связи степени радикализма политической партии и доли в ее составе родившихся в селе [2]

Fig. 6. Aggregated shares of birth zones (capitals, provincial centers, other cities, villages, abroad) of Russian political activists in 1917 – demonstration of a positive relationship between the degree of radicalism of a political party and the share of those born in the countryside in its composition [2]

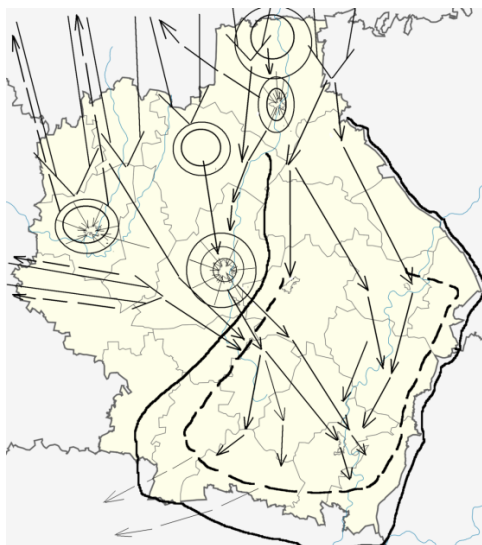

Рис. 7. Пути и зона формирования тамбовского «демографического мешка» (Социально-географическое явление, возникавшее при конкретно-исторических обстоятельствах входа и воспроизводства аграрного населения в заселявшемся регионе с дальнейшими трудностями сброса давления в его уже перенаселенной популяции в силу невозможности изменения модели воспроизводства и недостаточных каналов эмиграции. Все данные «демографические ловушки» оказались в начале XX века концентрациями социальной агрессии) (модель). Кольцами отмечены «малые демографические мешки» в районах Сосновки и Алгасово и «воротники» из пригородных сел вокруг Тамбова, Козлова и Моршанска [1; 4; 5]

Fig. 7. Ways and zone of formation of the Tambov “demographic bag” (Socio-geographical phenomenon that arose under the specific historical circumstances of the entry and reproduction of the agrarian population in the settled region with further difficulties in relieving pressure in its already overpopulated population due to the impossibility of changing the reproduction model and insufficient channels of emigration. All these “demographic traps” turned out to be concentrations of social aggression in the early 20th century) (model). Rings mark “small demographic bags” in the areas of Sosnovka and Algasovo and “collars” from suburban villages around Tambov, Kozlov and Morshansk [1; 4; 5]

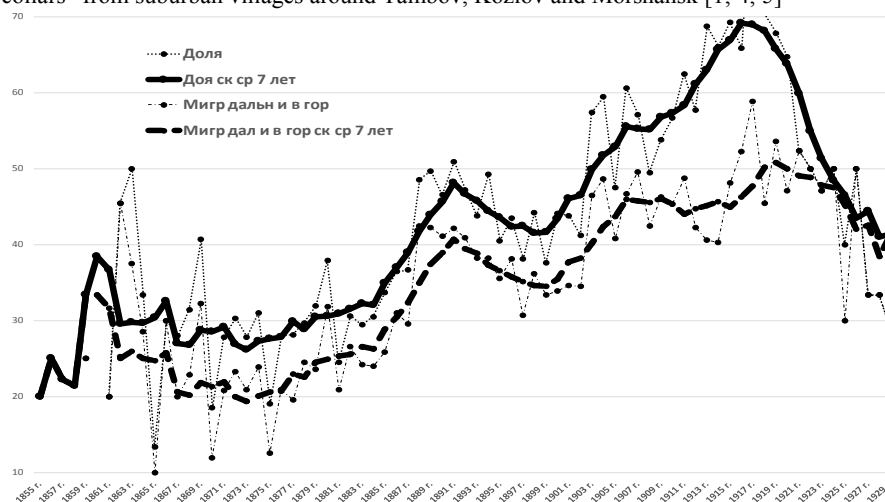

Рис. 8. Волны миграции из родных мест тамбовских «политических» репрессированных 1855–1929 гг. рождения (% мигрантов в год рождения будущих «политических» как вида социальных активистов; подсчеты в параметрах «место рождения»/«место жительства на момент репрессии») – демонстрация общего роста миграции как проявления социальной агрессии в ходе 112-летнего цикла 1836–1947 гг. с ее ритмичными всплесками у родившихся в «малых» фазах пиков социальной агрессии 28-летних циклов (1853–1963, 1881–1891, 1909–1919 гг.) [4; 5]

Fig. 8. Waves of migration from the native places of the Tambov “political” repressed 1855–1929 birth (% of migrants in the year of birth of future “political” as a type of social activists; calculations in the parameters “place of birth”/“place of residence at the time of repression”) – a demonstration of the general growth of migration as a manifestation of social aggression during the 112-year cycle 1836–1947 with its rhythmic bursts in those born in the “small” phases of the peaks of social aggression of 28-year cycles (1853–1963, 1881–1891, 1909–1919) [4; 5]

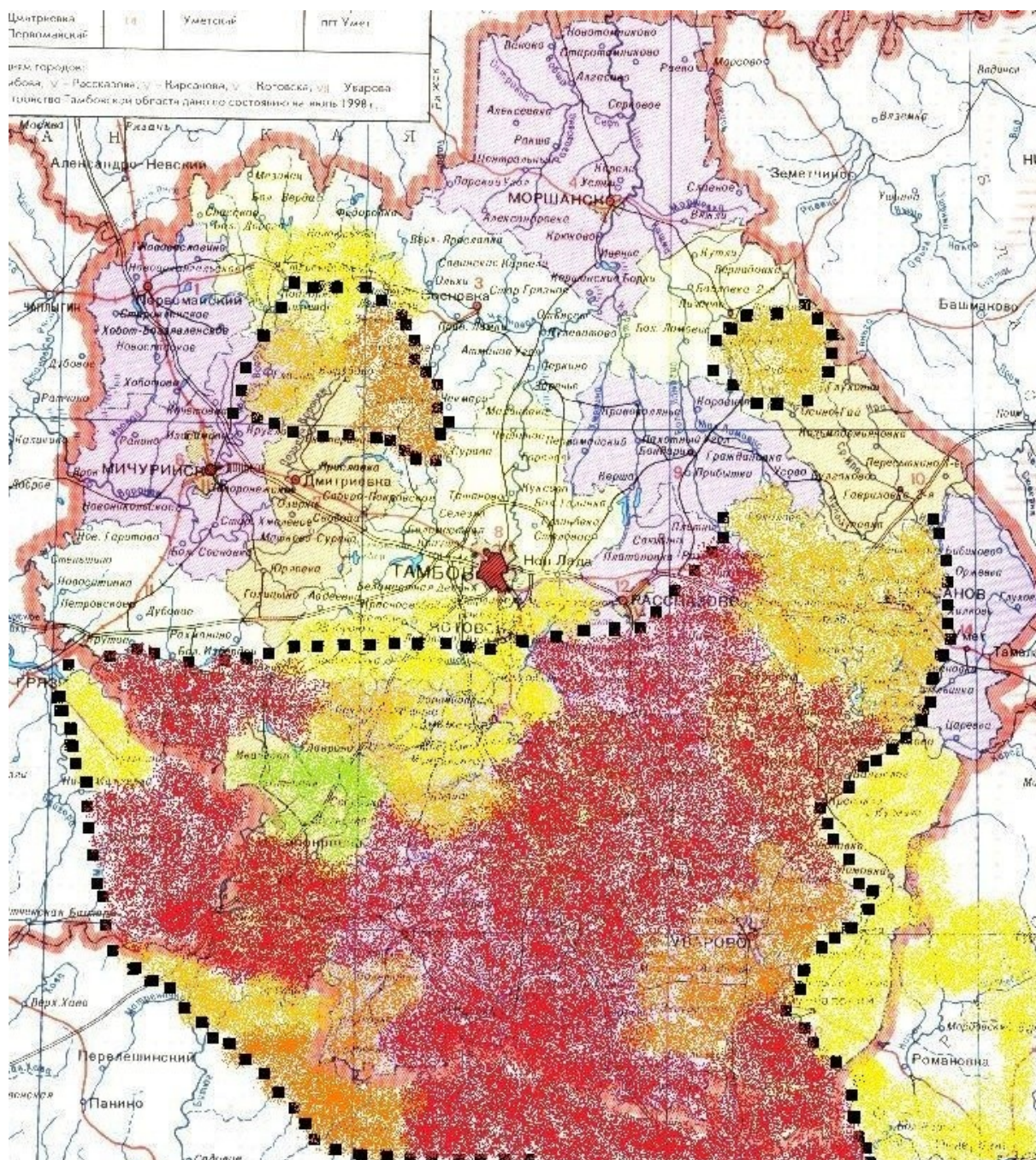

Рис. 9. Уточненный конкретно-исторический рисунок тамбовских «большого» и малых» «демографических мешков». Цветовая гамма составлена по степеням демографического поражения отдельных СНП по итогам Гражданской войны (сравнение населенности и баланса М/Ж отдельных СНП по замерам 1916, 1920 и 1926 гг., а также упоминание конкретных СНП в качестве мест крестьянского вооруженного протеста) [6–8]

Fig. 9. Refined concrete historical drawing of the Tambov “big” and small” “demographic bags”. The color scheme was compiled according to the degree of demographic defeat of individual rural settlement following the results of the Civil War (comparison of the population and the balance of M/F of individual rural settlement based on measurements in 1916, 1920 and 1926, as well as the mention of specific rural settlement as places of peasant armed protest) [6–8]

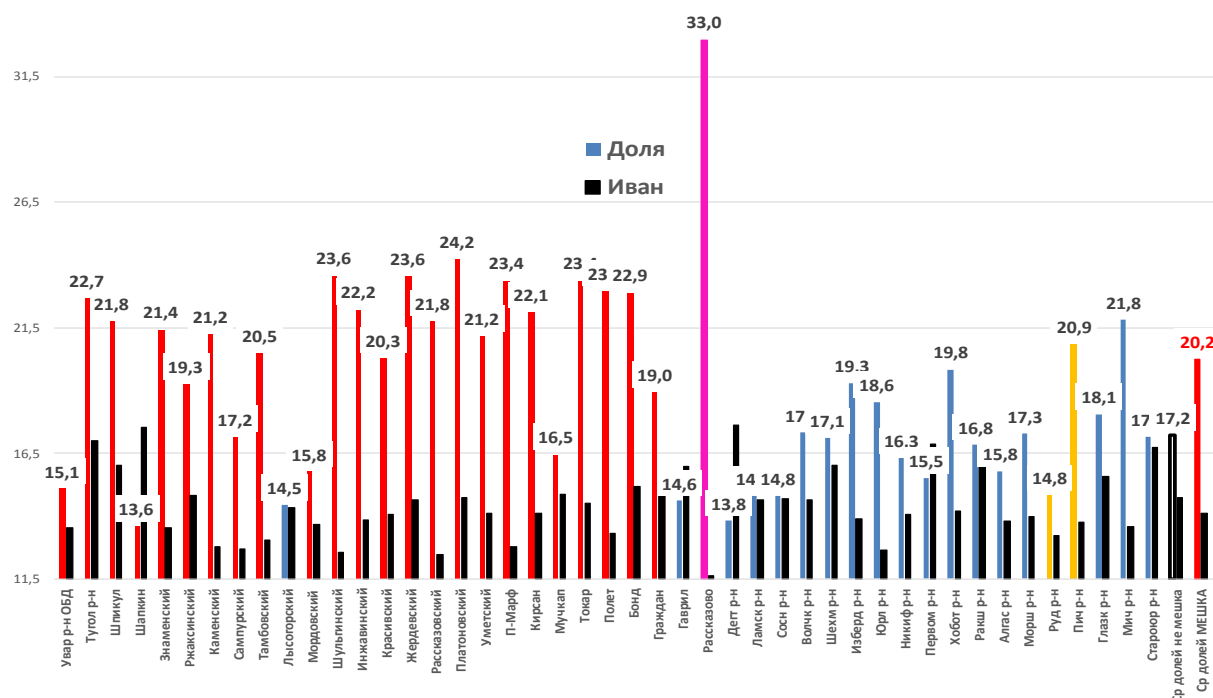

Рис. 10. Сумма долей 30 имен модной группы и доля лидера деревенской традиции *Ивана* в наречении мальчиков 1885–1926 гг. рождения в 43 сельских районах Тамбовской области периода ВОВ – демонстрация корреляции модного наречения (к данной группе маркеров социальной агрессии относятся: а) движение совокупной доли лиц, нареченных именами, модными в селе и в городе на конкретных исторических отрезках; б) движение долей аллитерационно-ассонансного наречения в дву- и трехчленном имени; в) сложное движение доли *Ивана* как маркера традиции; г) уменьшение объема и изменения структуры практических именников города и села; д) развитие наречения по [Л-Л'] и [Р-Р']; е) связь патронима (фамилии) с другими (социально-профессиональными, антропологическими, антропометрическими и т. д.) маркерами социальной-агрессии) как маркера «наследственной» социальной агрессии и субрегионов крестьянской вооруженной активности в Гражданской войне. Левая половина гистограммы (до Рассказово включительно) – субрегионы тамбовского «демографического мешка» и «антоновщины». Среднее долей модного наречения в «мешке» – 20,2 %, вне «мешка» – 17,2 %, что говорит о маркированной им доле агрессивного сегмента в «мешке» на 17,4 % большей, чем в субрегионах вне «мешка» [7; 9; 10]

Fig. 10. The sum of the shares of 30 names of the fashionable group and the share of the leader of the village tradition Ivan in the naming of boys in 1885–1926. birth in 43 rural districts of the Tambov Region during the Second World War – demonstration of the correlation of fashionable naming (this group of markers of social aggression includes: a) movement of the aggregate share of persons named fashionable in the village and in the city at specific historical intervals; b) the movement of the shares of the alliterative-assonant naming in a two- and three-term name; c) the complex movement of Ivan's share as a marker of tradition; d) reducing the volume and changing the structure of practical names of the city and village; e) development of the naming according to [L-L'] and [R-R']; f) the relationship of the patronymic (surname) with other (socio-professional, anthropological, anthropometric, etc.) markers of social aggression) as a marker of “hereditary” social aggression and sub-regions of peasant armed activity in the Civil War. The left half of the histogram (up to and including Rasskazovo) is the subregions of the Tambov “demographic bag” and “Antonovshchina”. The average share of a fashionable name in the “bag” is 20,2 %, outside the “bag” – 17,2 %, which indicates that the share of the aggressive segment in the “bag” marked by it is 17,4 % higher than in sub-regions outside the “bag” [7; 9; 10]

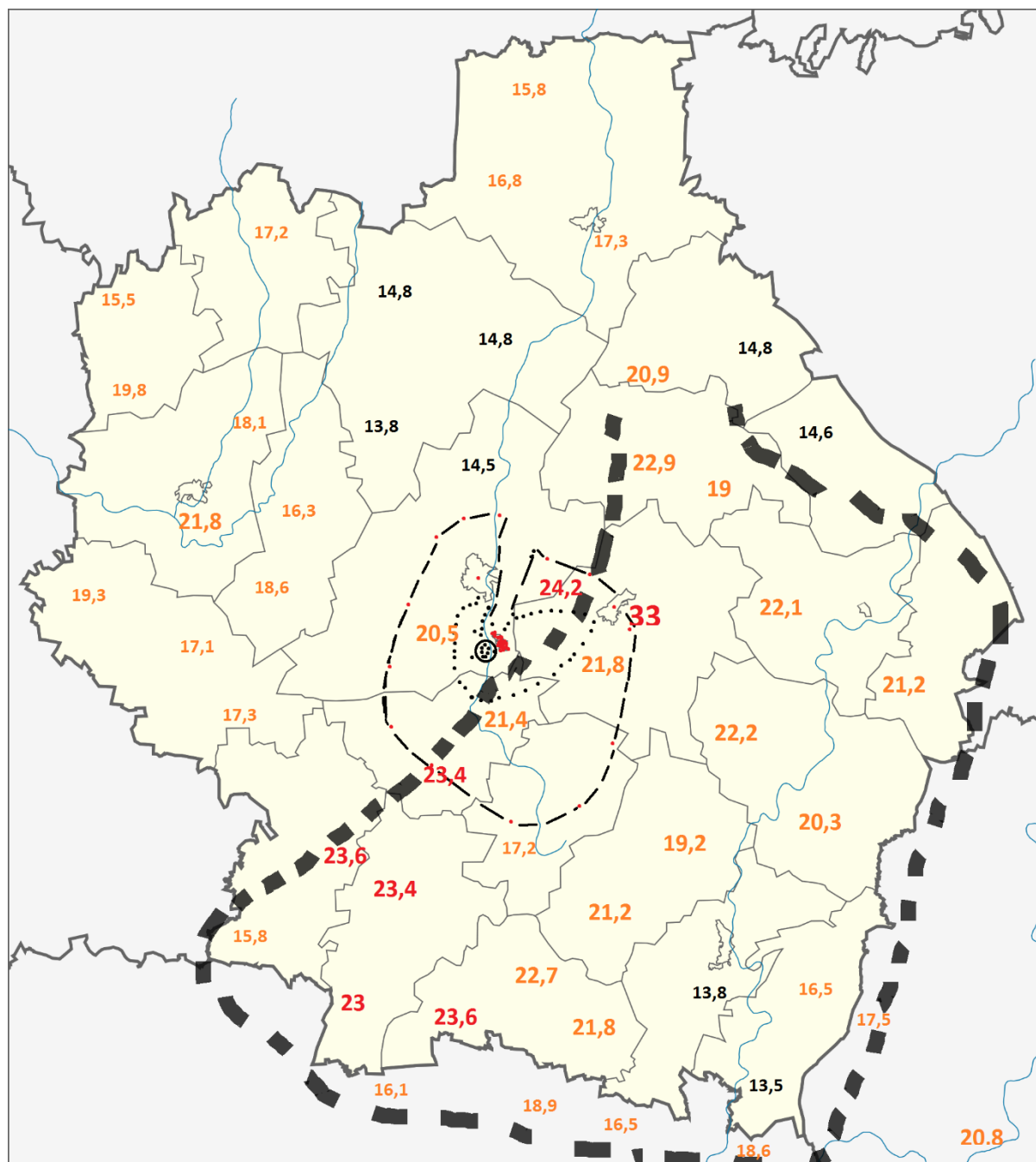

Рис. 11. Субрегиональные доли «модной группы» в наречении мальчиков 1885–1927 гг. рождения на карте Тамбовской области. Пунктирными линиями вокруг Котовска отмечены 1-й и 2-й «эшелоны» СНП, питавших работников и обслугой Тамбовский пороховой завод [8; 10]

Fig. 11. Subregional shares of the “fashion group” in the naming of boys 1885–1927 birth on the map of the Tambov Region. The dotted lines around Kotovsk mark the 1st and 2nd “echelons” of the rural settlements, which supplied the workers and servants to the Tambov Powder Factory [8; 10]

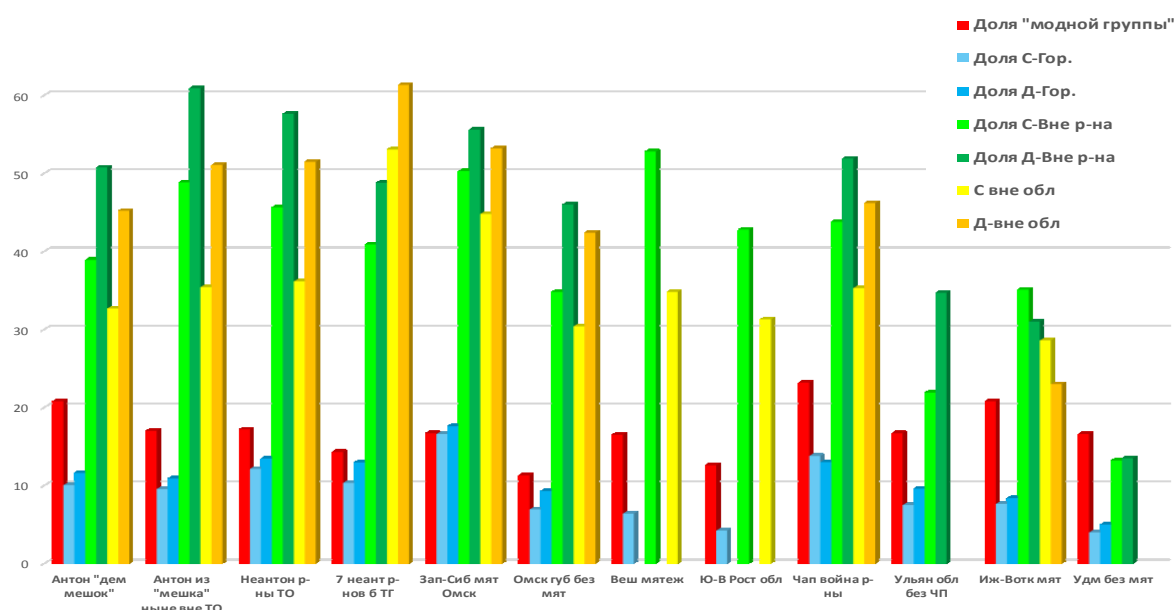

Рис. 12. Сравнительная активность пяти регионов антибольшевистского вооруженного протеста периода Гражданской войны («антоновщина», Западно-Сибирское восстание, «чапанная война», Вешенский и Ижевско-Воткинский мятежи). Сравнение степени социальной агрессии популяций мятежных и не мятежных зон Тамбовщины, Омской губернии, Ростовской и Ульяновской областей, Удмуртии, маркированной по «модному» наречению, типам миграции и «казусу деревни» (повышенная социальная агрессивность деревень как исторического типа СНП (также «выселки», «дворики», «починки», «поселки», «ново-...» и т. п.), ритмично выделявшихся из первичных, «старых» СНП («село») в ходе промежуточных перенаселений и состоявшего из более активного и плодородного (за счет молодости и смешанности) населения). Все мятежные зоны имеют более высокие названные индексы социальной агрессии, чем не мятежные зоны тех же регионов [6; 8]

Fig. 12. Comparative activity of five regions of the anti-Bolshevik armed protest during the Civil War ("Antonovshchina", West Siberian uprising, "Chapan rebellion", Veshensky and Izhevsko-Votkinsky uprisings). Comparison of the degree of social aggression of the populations of the rebellious and non-rebellious zones of the Tambov region, Omsk Governorate, Rostov and Ulyanovsk Regions, Udmurtia, marked by the "fashionable" name, types of migration and "incident of the village" (increased social aggressiveness of villages as a historical type of rural settlements (also "settlements", "Courtyards", "repairs", "villages", "novo- ...", etc.), rhythmically separated from the primary, "old" rural settlements ("village") in the course of intermediate overpopulation and consisted of a more active and prolific (due to youth and mixture) of the population). All rebel zones have higher named indices of social aggression than non-rebel zones in the same regions [6; 8]

Выводы-подсчеты, сделанные на основе квалифицированного анализа репрезентативной выборки (все представители, характеристики изучаемого явления, процесса или случайная выборка от нескольких тысяч до нескольких десятков миллионов фигурантов) являются *точными и конечными*.

Важнейшей частью методики изучения демографических процессов в городах и сельской местности является учет таких процессов-маркеров жизненной активности, как места и времени рождения, миграции всех

типов и остальные конструктивные и разрушительные реализации (политические, социокультурные, психосексуальные, криминальные) заложенной и взращенной активности (агрессии) популяции.

Формирование синергизма, объемов и зон социальной агрессии в некоторых графических результатах работы с длинными непрерывными рядами комплексной социографической информации представлены на рис. 1–12.

Список литературы

1. Дьячков В.Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. Вып. 1 (19). С. 128-141.
2. Дьячков В.Л. и др. Политические деятели Российской провинции от эпохи Николая II. Тамбов, 2013. 160 с.
3. Дьячков В.Л. К вопросу о социокультурном облике российской политической элиты в 1917 году // Революция и человек: социально-политический аспект. М., 1996. С. 159-163.
4. Дьячков В.Л. Миграции населения России/СССР 1860–1930-х гг. как часть социоестественной системы регулирования популяций: методика и главные результаты анализа // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 12 (164). С. 121-128. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12\(164\)-121-128](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-121-128)
5. Дьячков В.Л. Миграции населения России 1860-х – 1930-х гг. как часть социоестественной системы регулирования популяций // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. М., 2016. Вып. 40. С. 99-102.
6. Дьячков В.Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые...»: Книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860–1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 2 (142). С. 120-126.
7. Дьячков В.Л. В поисках гена социальной агрессии: методика и первые результаты исследования // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности (Серия «Социальноестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. 40). М., 2016. С. 23-26.
8. Дьячков В.Л., Лямин С.К. Социально-демографический феномен первых ста лет Котовска Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 12 (164). С. 137-150. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12\(164\)-137-150](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-137-150)
9. Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Русское наречие в четырех веках социальной истории страны. Тамбов, 2011.
10. Дьячков В.Л. Тамбовское имя на 380-летнем марше – место в строю // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы 6 Всерос. науч. конф., посвящ. 380-летию города Тамбова. Тамбов, 2016. С. 39-63.

References

1. Dyachkov V.L. Prirodno- i sotsial'no-demograficheskiye faktory rosta krest'yanskoy agressii v pervoy treti XX v. (Tambovskiy sluchay) [Natural and socio-demographic factors of the growth of peasant aggression in the first third of the 20th century. (Tambov case)]. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity], 2014, issue 1 (19), pp. 128-141. (In Russian).
2. Dyachkov V.L. et al. *Politicheskiye deyateli Rossiyskoy provintsii ot epokhi Nikolaya II* [Political Figures of the Russian Province from the Era of Nicholas II]. Tambov, 2013, 160 p. (In Russian).
3. Dyachkov V.L. K voprosu o sotsiokul'turnom oblike rossiyskoy politicheskoy elity v 1917 godu [On the issue of the socio-cultural image of the Russian political elite in 1917]. *Revolyutsiya i chelovek: sotsial'no-politicheskiy aspekt* [Revolution and Man: Socio-Political Aspect]. Moscow, 1996, pp. 159-163. (In Russian).
4. Dyachkov V.L. Migratsii naseleniya Rossii/SSSR 1860–1930-kh gg. kak chast' sotsioestestvennoy sistemy regulirovki populyatsiy: metodika i glavnye rezul'taty analiza [Migration in Russia/USSR, 1860–1930s as a part of social-natural population control system: methods and basic research results]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 12 (164), pp. 121-128. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12\(164\)-121-128](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-121-128). (In Russian).
5. Dyachkov V.L. Migratsii naseleniya Rossii 1860-kh – 1930-kh gg. kak chast' sotsioestestvennoy sistemy regulirovki populyatsiy [Migration of the population of Russia in the 1860s – 1930s as part of the socio-natural system of population regulation]. *Priroda i obshchestvo: tekhnologii obespecheniya prodovol'stvennoy i ekologicheskoy bezopasnosti* [Nature and Society: Technologies for Ensuring Food and Environmental Safety]. Moscow, 2016, issue 40, pp. 99-102. (In Russian).
6. Dyachkov V.L. «Nashi mertvyye nas ne ostavyat v bede, nashi pavshiye – kak chasovyye...»: Knigi pamyati kak istochnik v izuchenii sotsial'noy istorii Rossii 1860–1930-kh gg. [“Those who died won't leave us in

- trouble, our fallen – as centuries are standing...”: memory books as a source in learning russian social history of the 1860s–1930s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, no. 2 (142), pp. 120-126. (In Russian).
7. Dyachkov V.L. V poiskakh gena sotsial'noy agressii: metodika i pervyye rezul'taty issledovaniya [In search for the gene of social aggression: methodology and the first results of research]. *Priroda i obshchestvo: tekhnologii obespecheniya prodovol'stvennoy i ekologicheskoy bezopasnosti (Seriya «Sotsioyestestvennaya istoriya. Genesis krizisov prirody i obshchestva v Rossii». Vyp. 40)* [Nature and Society: Technologies for Ensuring Food and Environmental Security (Series “Social History. Genesis of Crises of Nature and Society in Russia”. Issue 40)]. Moscow, 2016, pp. 23-26. (In Russian).
 8. Dyachkov V.L., Lyamin S.K. Sotsial'no-demograficheskiy fenomen pervykh sta let Kotovska Tambovskoy oblast [Social-demographic phenomenon of the first 100 years of Kotovsk population being of Tambov region]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 12 (164), pp. 137-150. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12\(164\)-137-150](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-137-150). (In Russian).
 9. Dyachkov V.L., Trofimova E.V. *Russkoye narecheniye v chetyrekh vekakh sotsial'noy istorii strany* [Russian Naming in Four Centuries of the Country's Social History]. Tambov, 2011. (In Russian).
 10. Dyachkov V.L. Tambovskoye imya na 380-letnem marshe – mesto v stroyu [Tambov name on the 380-year march – a place in the ranks]. *Materialy 6 Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 380-letiyu goroda Tambova «Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem»* [Proceedings of the 6th All-Russian Scientific Conference, Dedicated to the 380th Anniversary of City of Tambov “Tambov in the Past, Present and Future”]. Tambov, 2016, pp. 39-63. (In Russian).

Информация об авторе

Дьячков Владимир Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, mayormp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3365-9111>

Статья поступила в редакцию 12.03.2021
Одобрена после рецензирования 22.04.2021
Принята к публикации 25.06.2021

Information about the author

Vladimir L. Dyachkov, Candidate of History, Associate Professor of General and Russian History Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, mayormp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3365-9111>

The article was submitted 12.03.2021
Approved after reviewing 22.04.2021
Accepted for publication 25.06.2021